

Артур Лейвин

Подавленные воспоминания о еще одной жизни, полной неопределенности и метаний, нахлынули на меня, сливаясь с множеством предыдущих в смутное облако полузабытых событий.

Пока я парил в посмертной мути той жизни, мой разум, как призрак древнего беспокойного духа, обитал в моем детском теле. И вот впервые я осознал: я устал.

Ключевой камень был невыносимым испытанием, к которому я не был готов. Как свеча, трепещущая на сильном ветру, я рисковал сгореть дотла. Я понимал это, но ничего не мог поделать. Не было возможности отступить, нельзя было просто сдаться. Но с каждой новой жизнью вероятность провала становилась все реальнее.

Младенческая жизнь пролетела мимо, пока я блуждал в облаке посмертного забвения. Я позволял воспоминаниям о своих решениях плавать неподвижно, не торопясь разбирать свой последний подход к разгадке ключевого камня, как делал это раньше. Впереди был новый набор пазлов, который как-то нужно было собрать воедино, но мой человеческий разум был изможден, а мой маленький младенческий мозг хотел только есть, спать и быть чистым.

Внезапно я снова стал малышом. Сколько раз уже? – подумал я, безуспешно пытаюсь выстроить все жизни, связанные с ключевым камнем, по порядку, каждая версия меня словно маленькая игрушка, стоящая на полке.

Молодая, жадная до знаний версия меня уже поглощала книги в библиотеке родителей и начинала собирать ману в области груди. Стоило мне только моргнуть, и дом разлетелся бы в щепки во время моего пробуждения, и все началось бы сначала.

Погружаясь в свое тело полностью, я взял себя в руки и остановился. Я не мог снова пройти через это, не сейчас. Мне нужен был отдых. Время... должно было быть время.

Встав на свои пухлые, слегка искривленные ножки малыша, я оставил медитацию и отправился... играть с кубиками в своей комнате. Они не были ярко раскрашены, как те, что были у младших детей в приюте, но они были искусно вырезаны с узором кирпичной кладки, и я быстро сложил их в грубую стену. Я позволил себе погрузиться в мозг своего детского тела, и инстинкты малыша взяли верх. Я начал играть, беззаботно и легко.

День, когда я должен был сформировать свой магический центр и пробудиться, прошел, и тревоги Артура Лейвина, Копья и регента всего Дикатена, были поглощены желаниями малыша, который быстро превращался в мальчика. Иногда ко мне возвращались неприятные эхо воспоминаний, например, в мой четвертый день рождения, когда мне внезапно пришло в голову, что мы должны были переехать в Ксирус, но они исчезали так же быстро, как и появлялись. Я не мог быть уверен, через какое-то время, были ли они реальными или просто полузабытыми сновидениями.

Я приближался к своему тринадцатому дню рождения, когда впервые упомянул об этих странных воспоминаниях своему отцу.

Он остановился в своем занятии — сгребал старую солому — и посмотрел на меня задумчиво. – Не многие сейчас в это верят, но некоторые старейшины до сих пор говорят о старых путях. Люди раньше думали, что твой дух перерождается в новом теле, когда ты умираешь. Реинкарнация, кажется, это называлось. Одной из вещей, на которых основывалась эта идея, были такие воспоминания. Знаешь, воспоминания, которые не кажутся твоими. – Пожав

плечами, он снова принялся за работу, сгребая старую солому к двери.

Я возился с кучкой грязной соломы на полу, не особо думая о чистоте.

– Но иногда я помню... магию.

Отец замер. Я украдкой взглянул на него и увидел, как его лицо сменило несколько выражений одно за другим. Удивление быстро сменилось болью, которая превратилась в разочарование, а затем скрылась за натянутой улыбкой.

– Думаю, это не так уж странно, Арт. Все дети мечтают о магии.

Он вздохнул и прислонил грабли к стене. Я сделал то же самое, а затем прижался к нему. Он обнял меня нежно и держал.

– Прости, – пробормотал я в грубую ткань его рубашки.

– Что? – спросил он, застигнутый врасплох. – За что?

– Я знаю, что ты разочарован, что я не пробудился. – Я старался говорить ровно, подражая тону, который он использовал, когда ссорился с мамой, но не хотел, чтобы это звучало как ссора.

Он напрягся, и объятие стало неудобным. Медленно, он отпустил меня, затем положил по руке на каждую сторону моей головы и заставил посмотреть ему в глаза. – Послушай меня, Арт. Я не разочарован в тебе. Нет, – быстро добавил он, когда я попытался отвернуться, не в силах поверить ему. – Послушай. Прости, если я когда-либо давал тебе такое впечатление. Я... – Он замолчал и отпустил меня, пытаясь успокоиться.

Его челюсть двигалась, пока он снова брался за грабли и начинал уборку пола. Хотя я колебался, через несколько секунд я последовал его примеру.

— Ты ничего не сделал неправильно, Арт, — продолжил он, и голос его смягчился. — Если я когда-либо казался разочарованным, то это не из-за тебя. Я... я так хотел, чтобы ты стал магом, и, возможно, я разочарован в ситуации, но никак не в тебе. Я понимаю, что тебе может быть трудно это сейчас понять, но это важно. Я не хочу, чтобы ты вырос с мыслью, что подвел меня. Если уж на то пошло... — Он сделал паузу, сгребая большую кучу соломы к двери и давая мне возможность сделать то же самое. — Если уж на то пошло, боюсь, это я тебя подвел, — закончил он, глядя на меня влажными глазами.

Я хотел сказать ему, что он меня не подвел, что я его люблю и что это тоже не его вина. Но слова не шли на ум.

Он прочистил горло. — Эй, чего это мы тут киснем? Твоя мама и сестра не вернутся с рынка еще пару часов. Почему бы нам не отложить эти грабли и не достать тренировочные мечи? — Его лицо озарилось, хотя я не мог понять, было ли это настоящее волнение или просто хорошая маскировка. — Мы сможем закончить дела позже.

Я не особо хотел этого, но все же кивнул, понимая, что он просто пытается помочь. Папа обнял меня за плечи, а затем подтолкнул обратно в дом. К тому моменту, когда я вернулся с двумя тренировочными мечами в руках, я уже начал расслабляться, оставив мрачные мысли о странных воспоминаниях и магии позади, сосредоточившись на ощущении кожаной рукояти в своих руках. К тому времени, как я передал меч отцу и мы переместились в центр двора для

разминки, я почти забыл обо всем разговоре.

Я не боялся признать, что у меня многое получалось. Практически все, за что я брался. Хотя я и не мог сформировать магическое ядро, все остальное давалось мне очень легко. Фехтование не было исключением.

Папа начал тренировать меня рано, и это было настолько естественно для меня, что я постоянно удивлял его своей техникой — или так он любил говорить. Я не помнил всего с тех пор, как мне было четыре или пять лет, но знал, что всегда чувствовал себя очень комфортно во время тренировок, особенно с мечами. Казалось, что все остальное уходило на второй план, и я мог полностью сосредоточиться на том, что делаю.

Когда я согнулся в глубокий боковой выпад для растяжки, я заметил, что отец смотрел на меня задумчиво, его брови нахмурены от концентрации. Он отвел взгляд, как только я посмотрел на него, и я понял, что он все еще думал о нашем разговоре. Не стоило поднимать эту тему, подумал я, упрекая себя. Я знал, что папа склонен к излишним размышлениям и эмоциям. Мне нужно было поддерживать его. Я уже не был маленьким ребенком, который бежит к родителям, когда кажется, что все плохо. Я почти взрослый.

Выпрямившись, я крутанул легкий деревянный меч. — Ты готов, старик?

Папа рассмеялся, удивленный, и изменил стойку, подведя кончик своего меча к моему лицу. — Я всегда готов дать тебе урок, малыш.

Улыбнувшись, я сделал вид, что собираюсь вперед, и нанёс удар вверх под его защиту. Он слегка изменил положение рук, переводя свой клинок в более выгодное оборонительное положение. Оттолкнувшись правой ногой, я резко двинулся влево и нанес быстрый удар по его бедру. Он отступил правой ногой назад, избегая удара, и опустил свой меч к моему плечу.

Я перекатился вперед, быстро изменив хватку на тренировочном мече, чтобы прижать его плотнее к телу. Несмотря на скорость этого маневра, папа уже повернулся и наступал, пока я снова встал на ноги. Я был моложе и быстрее его, но у него было гораздо больше опыта и преимущество маны, усиливающей его скорость и силу.

— Опыт всегда побеждает молодость, — сказал он с улыбкой, прежде чем нанести серию быстрых ударов.

Я блокировал каждый, пока не подошел конец его атаки. Почувствовав завершение серии, я нырнул под последний удар и вонзил свой меч в землю между его ногами. Ошибочно приняв направление атаки за удар по голени, он попытался отступить, но споткнулся о клинок. Его глаза расширились, и он забавно замахал руками, теряя равновесие и падая назад.

Я бросился вперед, чтобы нанести "смертельный" удар, но земля подо мной сдвинулась, бросив меня на землю. Мой меч вылетел из рук, когда я попытался ухватиться за землю. — Обманщик! — крикнул я, падая.

Мягкая трава смягчила мое падение, но удар в лопатки больно отозвался. — А-а-а! — Я перекатился прочь от места, где теперь папа лежал на земле, содрогаюсь от смеха, с тренировочным мечом в руке. — Никаких манипуляций маной во время тренировок, — пожаловался я, пытаясь дотянуться до своих плеч и растереть их. Я знал, что этот удар оставит болезненный след.

— Надо было как-то ответить на твой трюк, — сказал он небрежно, перекатываясь на бок и

подперев голову рукой. — Это было хитро. Ты меня полностью сбил с толку.

— Думаешь, я достаточно хорош, чтобы стать авантюристом даже без маны? — спросил я как бы мимоходом. — Или что когда-нибудь смогу? Я слышал от других ребят, что самые молодые члены Гильдии Авантюристов моего возраста или даже моложе.

Папа поднялся на ноги и протянул мне руку. Я взял её, и он поднял меня вслед за собой.

— Это неслыханно. Я имею в виду, авантюристов без маны. Но это довольно редко, и они никогда не поднимаются выше первых рангов. Дело в том, что мана-звери гораздо опаснее, чем ты можешь себе представить. Поход в подземелье без маны, усиливающей твои чувства или создающей барьер вокруг тебя, это фактически смертный приговор.

Когда моё выражение лица изменилось, папа быстро добавил:

— Но маги составляют всего, ну, один процент населения Сапина. Просто нет достаточно магов, чтобы заполнить каждый пост охраны или сформировать целую армию. Есть даже турниры для бойцов без маны. Ты хорош, Арт. — Он смахнул грязь со своих брюк. — Слишком хорош, может быть, — добавил он с улыбкой. — Но ты также умен. Многие лучшие учёные и изобретатели не являются магами. Я не сомневаюсь, что чем бы ты ни занялся, ты будешь лучшим в своей области.

Я почесал затылок, стараясь скрыть улыбку.

— Спасибо, папа, я...

— Если будешь продолжать работать, — перебил он меня с подмигиванием. — А теперь давай. Хватит разминаться. Посмотрим, на что ты действительно способен, Арт.

С одинаковыми улыбками мы вновь заняли боевые стойки и снова начали серию быстрых ударов, парирований, уклонений и контрударов. Час или больше пролетели в вихре интенсивного сосредоточения. Спарринг закончился только тогда, когда папа внезапно опустил защиту и застыл посреди обмена ударами, получив резкий удар по верхней части руки.

Он поморщился, уронил тренировочный меч и потерял это место, одновременно подарив маме болезненную улыбку, когда она подошла по дорожке с поднятыми бровями.

— Э-э, привет, дорогая. Сегодня ты быстро вернулась с рынка.

Она посмотрела мимо него на входную дверь, где лежала куча грязной соломы и две грабли.

— Ты говоришь это каждый раз, Рейнольдс.

Рядом с мамой Элеонора демонстративно закатила глаза.

— Да, папа. Каждый раз!

Я спрятал улыбку за рукой, когда папа поспешил к маме, быстро поцеловал её и взял большую корзину с покупками, которую она несла. Он нарочно наступил на задник туфли Элли, наполовину стащив её с ноги, а затем бросил на меня широко раскрытые, невинные глаза, отчего я смутился и хихикнул.

— Отличная техника, Артур, — сказала мама, проходя мимо в дом. — Обещаю, что позже твой

отец будет умолять меня вылечить синяк.

Элли громко засмеялась, повернулась и указала на папу.

— Я не буду! — возразил папа, выглядя оскорблённым. — Я авантюрист и маг, а не малыш, которому нужно целовать раны.

Элли хихикнула.

— Не знаю, папа. Ты уверен? Скажи «агу-агу» для уверенности.

Мама улыбнулась и подмигнула мне, затем перешагнула через кучу сухой соломы и вошла в дом. Элли, прыгая за ней, схватила грабли и начала убирать солому с порога, чтобы папа мог пройти.

Очерченная светом из дверного проёма, мама обернулась и посмотрела на меня, с маленькой складкой между бровей.

— Ты идёшь, Арт?

Я понял, что смотрел на маму, папу и Элли, все трое встали у двери нашего дома. Вдруг всплыла далёкие воспоминания, и я увидел тело своего отца, лежащего на земле, разорванным, как будто каким-то зверем, и залитым кровью. Затем это была Элли, пронзённая красным копьём. И наконец, мама... моя мать, смотрящая на меня с выражением шока, переходящего в гневное неверие.

— Брат?

Я слегка встряхнул головой, и видение исчезло. Я снова увидел своих родителей и сестру, все трое смотрели на меня с беспокойством. Этот взгляд оставил ком в моём горле, и я вдруг задумался, не получил ли я удар сильнее, чем думал, во время спарринга с папой.

— Я здесь. Я просто... — Я сделал паузу, чтобы прочистить горло. — Уже иду.

<http://tl.rulate.ru/book/114117/4400666>